

Юмор ведь есть остроумие глубокого чувства, и мне очень нравится это определение. Ф.М. Достоевский

Стоит произнести: «Достоевский...» и словно к «морозам – розы» продвинутой современник рифмует к нему «слезинку ребёнка», «народ богосеца», и непременно – на, вот возьми её скорей! – «красоту, спасающую мир». Вспомнит и сугубые рифмы: «карамазовщину» – синоним загадочной русской души да «топор Раскольниковова» – универсальный ключ к неразрешимым вопросам бытия.

Известно – Достоевский чрезвычайно серьёзен, если не сказать мрачен. Известно даже тому, кто не прочёл ни одной его странички, лишь глянул на согбенную бронзовую фигуру у метро «Владимирская». Тягостным, болезненным веет от памятника писателю. Не иначе, авторы изваяния воплотили слова Горького: «Достоевский – больная совесть

вые нашлись и в Театре им. Ленсовета, где 7 апреля на малой сцене прошла премьера спектакля «Достоевский и К°»: чтение актёрами театра рассказа Достоевского «Скверный анекдот» в первом отделении, и авторское чтение Татьяной Москвиной повести «Конечно, Достоевский!», во втором.

Режиссёр Мария Романова обратилась к актёрскому чтению, веря, что эта первородная форма, став основой спектакля, позволит избежать надуманных решений и полнее раскроет автора. На фоне примата режиссёрского самовыражения на почве классики это смелый жест. Отчасти это сродни современному театру – поясняет Мария Романова, предлагая зрителю соавторство – подключение воображения и понимания. Всё так и получилось. Спустя несколько минут зритель

свадьбу мелкого чиновника Пселдонимова (актёр Александр Крымов). В благодарном намерении генерал решил поздравить молодых. Он движим парами шампанского и идей, что, если он будет гуманен, люди полюбят его, поверят ему, следовательно, увернут и в государственную реформу и также полюбят её.

Благодарные рассуждения малоумного человека натолкнулись на абсолютное непонимание гостей. Из неловкого замешательства удалось выйти находчивостью матери жениха. Бесхитростное приплатение не побрезговало скромным угощением ободрило генерала и разрядило обстановку. В этой и других ролях спектакля актриса Надежда Федотова живописала женские типы второй половины XIX века, точно подмеченные Достоевским.

людьми. Закрадывается мысль: а возможно ли оно вообще – понимание? Тогда откуда в финале возникает чувство сопереживания осмеянному и провалившемуся генералу? Из-за актёрского мастерства? Да. И юмора Достоевского, его улыбки печальной любви при виде высокого в его приземлённой форме.

«Но над моей общей любовью к русскому слову тем не менее возвышаются несколько

Александр МЕДВЕДЕВ

О высоком в приземлённой форме

О премьере спектакля «Достоевский и К°»

Расслабленный собственным благодушием и обилием выпитого, генерал опустился до уровня пьяной компании. К удивлению, он обнаружил нежелание гостей видеть в явлении его персоны на свадьбе подчинённого торжестве идеи гуманизма. А ведь он явился «нравственную цель обнаружить» и указать её народу – его, генерала, народу! Но столкнулся с насмешками и оскорблениями. Народный артист России Евгений Филатов убедительно явил всевозможные тонкости отношения подчинённых к начальству, выражаемые в глаза и за глаза, в трезвом уме и твёрдой памяти и в хмельном отчаянии. «Вы пришли ломаться и искать популярности!» – таков ответ празднующего чиновного люда на благородный порыв генерала, а в их глазах на барские замашки и претензии.

Четырём актёрам, малыми средствами («всего лишь» мастерским владением своим искусством и следованием авторскому тексту) удалось доподлинно выстроить ситуационное многообразие рассказа. Вместе с художественным аскетизмом сценографии это сообщало постыдную комичность результатам внезапных «хождений в народ» казённого либерализма. Иван Ильич Пралинский «во многих местах успел прослыть отчаянным либералом» – вспоминается реплика автора. И то верно. Что-то слащаво-подозрительное слышится в фамилии генерала. Пралинэ – (фр. praline) десертный ингредиент из молотого миндаль в сахаре для кремов и пирожных. Сергей Мигицко блестяще сыграл генерала, который попытался окормлять подчинённых «десертными идеями» и с позором убедился, что «Не выдержал!». Он пришёл к выводу, в социально-политическом рацоне полезней держаться постной строгости, и чтобы никакого миндальничанья!

Смех, конечно, смехом. Однако, благодаря прекрасной игре актёров, комизм, заданный автором «Скверного анекдота», подтачивается возрастающим конфликтом полнейшего непонимания между

личностей, которым отдано было по многу лет восхищения и увлечения самого пристально, – М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Островский и, конечно, Достоевский! (Татьяна Москвина. «Конечно, Достоевский!». Из книги «Жизнь советской девушки»).

Авторское чтение Татьяна Москвина начала с пояснения: «Конечно, Достоевский!» – это киноповесть, в 2011 году под названием «Жар» её поставили в Театре на Литейном. В ней обыграны мотивы сочинений любимого автора, однако «ни в одном отзыве на спектакль никто на это не обратил внимания».

Далее она задалась вопросом, созвучным замечанию, с которого я начал первую часть размышления о премьере «Достоевский и К°», – о крайнее одноклоном видении нашей публикой творчества классика.

«Не может же быть, чтобы дипломированные театроведы не опознали (в героях поставленной на сцене повести – прим. А.М.) ни Смита с дохлой собачкой из «Униженных и оскорблённых», ни Крафта из «Подростка» с его идеей «русские – второстепенная нация и в качестве русского не стоит жить?»

Это не что иное как указание на тему, так же актуально, как и во времена Гоголя и Жуковского. В переписке 1848 года они жаловались, что их мало, а то и вовсе не читают. И речь была не о мужике, иной раз всё же несущем с базара что-то печатное, кроме пряника, а о ближнем круге образованных людей.

Так по сей день: коснуться до всего слегка – всегда пожалуиста, а проникновенное чтение отечественной литературы... – да стоит ли она вся слезы Делёза?

Восмировой русской отзывчивостью по праву гордился Достоевский. Думал ли он, что она приобретёт нездоровый оттенок пренебрежения ко всему родному? Готовность бросаться собирать

камни «страны святых чудес» прекрасна, когда бы под ногами ни валялись разбросанными (о, эти ветры перемен!) самцветы своей культуры.

В античном Риме были поэты и учёные поэты, Татьяна Москвина – современный учёный писатель. Один из её любимых учителей – Достоевский. Она с гордостью говорит об этом.

«Достоевский для меня – нечто вроде ментального отца. Я не читала его книги, а жила в них. «Преступление и наказание», типовая серенькая книжка, была у меня вся в закладках – то есть я по желанию открывала и перечитывала отдельные сцены, после того как несколько раз подряд прочитала весь роман. Не могла расстаться с ним».

Татьяна Москвина прочла с некоторыми сокращениями петербургскую киноповесть, полную отсылки к героям и ситуациям произведений Достоевского. Разрозненные сцены кусочками смальты складывались в финале в ясную мозаичную картину. Обходясь интонационным минимумом, и единственным жестом – кисть руки как бы перелистывала завершённый эпизод, – писательница всё второе отделение держала зал: водила по городу, знакомила с персонажами, вовлекала в действие.

Главный герой – молодой революционер Федя, воплощение неистребимого типа «русских мальчигов». Он служит подтверждением (или опровержением) нравочения Ивана Карамазова, спустя полтора года: «Вот что, Алеша, быть русским человеком иногда вовсе не умно, но все-таки глупее того, чем теперь занимаются русские мальчики, и предвещать нельзя».

Пропавшая на двадцать лет и счастливо(?) нашедшаяся, мать Федя Клара Петровна спешит из-за границы искать сына. Она одаривает его тремя тысячами евро. Федя – привет Настасье Филипповне! – швыряет их в окно.

Сцены, воссозданные воображением зрителем во время чтения, убеждают: представить, чем ныне занимаются русские (и не только мальчики!), писательница способна в подробностях. Язык и темп повести динамичны, стиль рассчитан на отзывчивого читателя по части восприятия умного юмора и «сердца горестных замет», едва намеченных, как и подобает сдержанным, но ясноглазым и глубоко чувствующим петербуржцам.

В повести Москвиной персонажей, наверно, не меньше, чем в «Братьях Карамазовых». Иначе как показать столкновение интересов, характеров и убеждений, которыми бурлит постсоветская Россия. Страна и общество как бы новые, но почему-то об этом новым дивным мире писательница начинает повествование точно с того же, с чего начинаются «Преступление и наказание»: июнь, жара...

В «Достоевском и К°» совместились два подходы Литературно-просветительского проекта «Связь времён» по восстановлению роли литературного начала в прекрасном искусстве театра. Актёрское и авторское чтение – разные варианты в решении этой задачи, премьера 7 апреля показала, что оба действенны.

(Начало – стр. 1)

Завести-то завели, а с первого раза взлететь не удалось. Приведу длинную цитату из книги Девятаева «Побег из ада»: «Довожу обороты мотора до полной мощности. Самолёт как бы выткнулся вперёд, но тормоза удерживают его на месте, а ручка управления, до отказа взятая на себя, не даёт ему скапотировать. Не уменьшая газа, плавно отпускаю тормоза. Машина рванулась вперёд по бетонной дорожке, постепенно набирая скорость. Штурвал отвожу от себя за нейтральное положение с тем, чтобы ускорить подъём хвостового оперения самолёта, но это не помогает. Машина идёт послушно, ускоряя свой стремительный разбег, но от земли не отрывается.

Чувствуя по мере увеличения скорости и пробегая какое-то повышенное, ненормальное давление на ручку управления самолёта. «Неужели ошибаю?» – мелькнула мысль. Изю всех сил давя на штурвал и ничего не могу сделать. Как быть? Штурвал начинает давить мне на грудь. Моторы режут – газ до упора, винты образуют сплошной вращающийся диск, а самолёт бежит на трёх точках.

Налегаю на штурвал всем корпусом, сильно упираюсь ногами. Чувствую, что самолёт отделился от земли, но из-за отсутствия подъёмной силы с шумом падает с небольшой высоты то на левое, то на правое колесо шасси. Снова повторяется отрыв, и снова – падение. И взлётная дорожка кончается. Неужели не смогу взлететь? Да, до конца полосы самолёт уже не взлетит... Что же делать? Сделать прерванный взлёт? Нельзя из-за близости морского берега.

– Братцы! Один раз поморать! Держитесь!

Резко убираю газ. Машина по инерции стремительно мчится под уклон. Десятики метров отделяют нас от моря. Я знаю, что пользоваться тормозами на больших скоростях нельзя, но нельзя и медлить – сейчас врежемся в морские волны. Вопреки сознанию ноги инстинктивно нажали на педали тормозов».

Только вторая попытка оказалась удачной, когда, разогная бежавших навстречу фашистов, самолёт с большим трудом взлетел: Девятаев никогда не управлял «Хейнкелями» и не знал, что система, регулирующая взлёт-посадку, была настроена на посадку. Выяснилось это лишь в ходе полёта. Командиру звена люфтваффе было приказано догнать и уничтожить беглецов. Но выполнить приказ лётчик не смог. Пленников искали в польском небе, а они сначала полетели в сторону Швеции и только потом развернули машину на юго-восток. Через два часа «Хейнкель», перелетев линию фронта, изрядно потрепанный родными зенитками, приземлился в расположении советских войск на польской земле.

Море тайн в одном побеге

Иными словами, в реальной жизни действительно состоялось событие, до сих пор потрясавшее наши души. Но на событие в кинематографе фильм «Девятаев», увы, не тянет. Дело, конечно, не только в том, что сытый актёр Прилучный, исполняющий главную роль, ни визуальнo, ни душевным про-

странством не похож на узника фашистского концлагеря Девятаева, вес которого не достигал, по его же воспоминаниям, и 40 килограммов. Дело в общей стилистике киноленты. Одно время некоторые отечественные кинематографисты вообще отказывали нам в праве на Победу, поскольку её, по их представлениям, обеспечили штрафбаты да крепостные герои. Сейчас откровенная ложь явно не в почёте. Но желание ущипнуть страну и власть, её олицетворяющую, кое у кого осталось. Особенно – когда речь идёт о советском прошлом вообще и военном – в частности. Надо представить эту власть не просто мизантропом, а неким архетипическим вампиром – Дракулой.

Не преминул свернуть на скользкую дорожку и Бекмамбетов. В фильме появился капкан – абсолютно вымышленный персонаж лётчик Ларин,

врага. Ошибочные решения наших военачальников, а они, конечно, были, ни прощения, ни срока давности не имеют. Им – вечное презрение!

Мне возразят, что «лепелю горбатого», потому как жёсткие, жестокие приказы Верховного главнокомандования действительно были. Так я и не отрицаю: были. Особенно в начале войны. Нарушителей признавали дезертирами, они могли быть расстреляны на месте или осуждены на 25 лет, а их семьи подлежали аресту и лишились всех государственных пособий и поддержки. Поэтому даже если лётчик сбежал из фашистского ада, надо было доказать, что не смлодушничал, не сдался в плен по доброй воле, а оказался в лапах врага в бесознательном состоянии. Надо было доказать, что сумел убежать, а не был завербован и отпущен к своим отнюдь

Капкан ради Канн?

О лётчике Девятаеве, его подвиге и одноимённом фильме Тимура Бекмамбетова

представленный в качестве друга Девятаева. Реальной необходимости в этом персонаже, на мой взгляд, не было. Представим себе знаменитого Карбышева, которому некий пленный солдатик советует перейти на сторону немцев, и генерал вступает с солдатиком в длинную дискуссию. Комично? – Комично. Тот же эффект вызывают дискуссии и никому не известного Ларина с человеком-легендой (мы-то, зрители, об этом знаем), который всей своей жизнью прокладывает дорогу к подвигу. Но если бы не было Ларина, кто бы тогда напомнил зрителям о приказе Народного комиссара обороны СССР, который предписывал жестоко карать изменников Родины? Вот, мол, до чего доходило в стране, которой правил Дракула. С подачи режиссёра изменник Родины Ларин уже воспринимается как жертва этого приказа. Герой фильма отверг усердные обхаживания «друга» и в конце концов оказался дома. Если экстраполировать возвращение на все события войны, то обнаружится давно заезженная формула: победили не благодаря, а вопреки.

Впрочем, «диверсионная» обработка оказалась на взгляд «киношного» Девятаева. Стараниями Бекмамбетова он произносит сакрментальную фразу: «Я, наверное, никогда не узнаю, почему мне вдруг поверили. Может, потому, что смилилось время. А может, потому, что я предал друга. Прошлые ошибки забудутся, а подвиги останутся. Ведь ошибки надо уметь прощать, а подвиги помнить». Таким образом, размывается, обесценивается сам подвиг. Мало того, прозвучавший из уст Девятаева призыв обезоруживает нас, зрителей. Мол, давайте, ребята, простим гитлеровцев, власовцев, бандеровцев и иже с ними немецких хоулёв, которые и сейчас толпятся у границ России. Коварное «уметь прощать» стало знаменем либеральной отечественной публики. Заметьте: относится требование только к тем, кто переметнулся на сторону

не с добрыми намерениями.

Это если прорвался к сослуживцам пешим порядком. А если прибыл на фашистском самолёте? Беглец попал в переделку нештучночку. Военные историки утверждают, что Девятаев не первый, кто испытал судьбу, угнав фашистскую машину. До него побег из немецкого ада совершили ещё восемь смельчаков. Однако все они были осуждены за измену Родине и отправлены на нары.

Правда, отважных воинов реабилитировали. По отношению к старшему лейтенанту Владимиру Москальцу, лейтенанту Пантелеймону Чукаселу и младшему лейтенанту Араму Карапетяну справедливости восторжествовала в 1959 году. 23 марта 1959 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение о прекращении дела по вновь открывшимся обстоятельствам, которыми стали свидетельства бывших партизан о том, что лётчики в 1944 году говорили правду.

К Лошакову и Дениску справедливость заглянула раньше. 12 августа 1945 года лётчик на год раньше срока оказался на свободе. Судимости с него была снята. Пехотинца освободили из лагеря в 1951 году. Лошаков остался в Воркуте, работал в авиаотряде комбината «Воркутауголь», затем на шахте и даже стал полным кавалером ордена «Шахтёрская слава». В начале 60-летних Николай Кузьмина неожиданно пригласил в Москву Главком ВВС СССР Константин Андреевич Вершинин. Поблагодарив бывшего лётчика-истребителя за стойкость и мужество, проявленные при нахождении в плену и побег из плена на вражеском самолёте, Вершинин вручил герою охотничье ружьё. Награда, конечно, запоздалая, не по статусу подвига, но всё-таки – награда!

И исповядь возникает вопрос: почему Девятаев, пленённый лётчик, лагерей по большому счёту избежал. В самом деле, почему? Однажды, в конце шестидесятых годов прошлого века, автору этих строк, студенту

тало более масштабный, сенсационный характер. В них утверждалось и утверждается, что на острове Узедом у городка Пенемюнде ещё в 1937 году немцы построили полигон («Пенемюнде-Запад») и исследовательский центр («Пенемюнде-Восток») для разработки, испытания и производства «оружия возмездия» – ракет.

Малонаселённое болотистое место, со всех сторон отрезанное от материка водой, обеспечивало секретность работ. Учитывались возможность подвозить морем крупные грузы и близость к концентрационным германским лагерям в Польше, снабжавшим полигон рабочей силой. Одним из них был концлагерь Узедом, находившийся прямо на острове, около озера Готензе. Третий Рейх делал ставку на Фау-1, которую по нынешней терминологии можно назвать крылатой ракетой, и баллистическую ракету Фау-2. Фау-2 – первая в мире баллистическая ракета дальнего действия, разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном и принятая на вооружение вермахта в конце Второй мировой войны. Изделия предназначались в первую очередь для военного применения. Ими вермахт обстреливал Лондон и другие английские города.

Девятаева, ни в публикациях не упоминалась даже марка угнанного самолёта. Значит, была причина не упоминать.

Встречаются и утверждения, что информация Михаила Петровича позволила разбомбить не только ракеты на старте, но и подземные цеха по производству «грязной» урановой бомбы. Это была последняя надежда Гитлера на продолжение Второй мировой войны.

Немцами разработками заинтересовался Королёв, который под фамилией полковника Сергеева прибыл в Пенемюнде. Сергей Королёв вместе с Валентином Глушко разрабатывали реактивный двигатель РД-1 для самолёта Пе-2. На Узедом Сергей Павлович приехал «перенимать опыт» по части ракетостроения. Будущему отцу советской космонавтики удалось попасть в институт фон Брауна, но этого было мало. Королёву нужен был свой ключ доступа к секретам Узедома. Вот тут Сергею Павловичу, говорится в некоторых публикациях, кто-то и шепнул: дескать, сбежал отсюда наш, русский, и вроде живой ещё, в фильтрационном лагере сидит.

Королёв-Сергеев с сопровождающими лицами осматривали ракеты, места дислокации установок, подземные цеха. Нашлись даже узлы ФаУ. Трофеи – детали, из которых впоследствии была собрана целёхонькая ФаУ-2, – доставили

в Казань. Её двигатель, говорят, до сих пор хранится в Казанском технологическом университете как феномен конструкторской мысли. Два года спустя, в ноябре 1947 года, состоялся первый пуск трофейной ракеты, восстановленной советскими и пленными немецкими конструкторами. Ещё через год на полигоне Капустин Яр, настаивают журналисты, прошло успешное испытание уже первой советской ракеты. В 1957 году СССР запустил на орбиту первый искусственный спутник и получил возможность доставки ядерный заряд до любой точки земного шара. За десять лет советские учёные в области ракетостроения вырвались далеко вперёд, оставив позади американских коллег, коими руководил тот самый Вернер фон Браун.

Повторяю, вполне логично предположить, что Девятаева оградили от лагерей и засекретили именно потому, что он чуть-чуть, незначай прикоснулся к самой глубокой, самой секретной нашей тайне-мечте – подготовке полётов в космос. Не случайно ведь первая достойная публикация о подвиге Михаила Петровича и его товарищей появилась лишь в 1957 году – после запуска первого советского спутника. Вскоре, в том же году, лётчику было присвоено звание Героя Советского Союза. Некоторые исследователи даже утверждали, что Девятаев удостоен высокого звания по инициативе Королёва. Но их утверждения тоже относятся к числу догадок, предположений. Новый узелок на память.

Утешим себя тем, что рано или поздно, когда будут обнаружены все детали побега из ада, мы узнаем и эту тайну Девятаева. Утешим себя тем, что Девятаев, безусловно, знал, что могло ожидать его дома даже в случае удачного завершения побега. Тем не менее, он сделал всё возможное и невозможное, чтобы вернуться на Родину. На это позвал не животный инстинкт, наподобие инстинкта рыб, возвращающихся на нерест в реки и старицы, где увидели свет. Это был зов предков. Иначе говоря – Родины.

Если бы по этому исследовательскому пути пошёл режиссёр, имело бы смысл говорить и о приказах Верховного Главнокомандующего. Имело бы смысл упомянуть острейшую ситуацию на фронте, рассказать, что притеснения применялись ко всем лицам, невзирая на орден, звания и должности. Как постигла даже жену попавшего в плен сына Сталина Якова Джугашвили. Её лишили государственного пособия и отправили в ссылку вместе с внучкой вождя. Тогда становилось бы очевидной очевидного: власть не могла обойтись и без жёстких мер. Были бы не на живот, а на смерть!

А так притеснения, упомынные похода, вне событийного контекста, потому как фактически не коснулись Девятаева, у неискущённого зрителя рождает ощущение страны вампиров, у которой не может быть иного имени, кроме как «империя зла». С какой целью? Бекмамбетов не скрывает, что хотел бы, чтобы фильм посмотрели на Западе. А там, глядишь, и до красной дорожки Канн недалеко. Отсюда вся визуальная стилистика, взятая напрокат у иноземных коллег. Отсюда и стремление попинать страну при всём честном народе. Зачастую, особенно сейчас, этот приём становится самым главным критерием достоинства фильмов на международных кинофестивалях.

АНО «Газета русских писателей „ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ“»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru

Электронный адрес: denlitera@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Главный редактор –

Валентина ЕРОФЕЕВА